

23–25 апреля 2025 г.

Contexts for overlapping talk in Russian conversations

Nikolay Korotaev

Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
n_korotaev@hotmail.com

Abstract

The paper analyses instances of overlap in Russian triadic conversations. Based on the “Russian Pear Chats and Stories” corpus, I provide a multimodal treatment of 364 overlapping episodes. I mostly focus on two conversational parameters — discourse contexts for overlaps and respective epistemic statuses of the interlocutors. A vast majority of overlaps in the data can be attributed to one of the four basic discourse contexts: Sideline Turn, Turn Transition, Turn Interception, and Competitive Development. These contexts differ in the degree of cooperation vs. competition exhibited by the participants. I show that overlaps appearing in more competitive contexts tend to be longer and more often include truncated turns. Epistemic statuses of participants are fixed throughout the studied conversations. When statuses are considered equal, competitive overlaps are more frequent than when one participant has a higher epistemic status.

Keywords: conversation, multimodal communication, turn-taking, cooperation, overlap, epistemic status

Дискурсивные контексты наложений в диалоге на русском языке

Коротаев Н. А.

Институт языкознания РАН, Москва, Россия
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
n_korotaev@hotmail.com

Аннотация

В докладе на материале мультимедийного корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» представлен анализ случаев наложения, т. е. одновременного говорения в диалоге. Основное внимание уделено двум параметрам коммуникативной ситуации: типу дискурсивного контекста и соотношению эпистемических статусов участников, задействованных в наложении. Показано, что подавляющее большинство эпизодов наложения может быть отнесено к одному из четырех дискурсивных типов, различающихся в том числе с точки зрения степени кооперативности / конкурентности в речевом и невербальном поведении участников. Для менее кооперативных контекстов характерны более длительные отрезки наложения и большая частотность дискурсивных обрывов. Под эпистемическим статусом понимается степень осведомленности участника о теме обсуждения. Продемонстрировано, что в случаях равного эпистемического статуса — по сравнению с ситуациями, в которых статус одного из участников выше — увеличивается доля наложений более конкурентных типов.

Ключевые слова: диалог, мультимодальная коммуникация, чередование реплик, кооперативность, наложение, эпистемический статус

1 Введение

Одна из важных установок исследований в области естественного диалога состоит в том, что участники диалогического взаимодействия разделяют набор представлений о «нормальном», или предпочтительном характере его протекания [Brown, Levinson 1987; Clark 1996: pt. II; Pomerantz, Heritage 2012]. В этот набор, видимо, входит и представление о том, что в каждый момент разговора должен быть выбран один участник, осуществляющий говорение. В исследованиях, выполненных в рамках Анализа бытового диалога, это представление известно как принцип ‘one party at a time’ [Schegloff 1995; Santner-Wolfartsberger 2015]; по сути, оно включено и в формулировку правил чередования реплик в основополагающей работе этого направления [Sacks et al. 1974]:

правила описывают процедуру «назначения» (одного) следующего говорящего после т. н. точки перехода, т. е. после завершения текущей реплики.

В то же время принцип ‘one party at a time’ не является абсолютным, поскольку в естественном диалоге регулярно возникают ситуации наложения — одновременного говорения более чем одного участника [Ono, Thompson 1996; Schegloff 2000; Jefferson 2004; Hayashi 2012: 175-182; *inter alia*]. Это может происходить как вследствие нарушения общих принципов кооперации (например, при прямом перебивании), так и в менее соревновательных контекстах — в том числе и в результате стандартного применения правил чередования. При том что не существует ни устоявшейся классификации дискурсивных контекстов наложения, ни консенсусной оценки частотности этого феномена (см. обзоры этих вопросов, соответственно, в [Stolt 2008] и [Heldner, Edlund 2010]), практически не остается сомнений, что наложение входит в число центральных явлений, обеспечивающих нормальное функционирование естественного диалога. Так, во влиятельной работе [Schegloff 2000] было показано, что для ведения полноценного разговора его участники должны владеть не только правилами чередования, но и механизмами урегулирования наложений. Внимание к наложениям характерно не только для теоретических исследований, но и для работ в области автоматического порождения диалога. Например, в [Yamashita et al. 2022] сообщается, что естественность искусственно сгенерированных диалогических датасетов повышается, если в алгоритм генерации добавляется возможность наложения; в [Zhang et al. 2024] в качестве одной из метрик, позволяющих оценить прогресс модели автоматической генерации диалога, используется доля наложений в последовательностях реплик.

В настоящем исследовании решаются две задачи: основная и дополнительная. Основная — предложить классификацию дискурсивных контекстов возникновения наложений на материале естественных диалогов на русском языке и дать количественную оценку распределения их частотности. Насколько мне известно, эта задача ранее не решалась¹. Дополнительная задача обусловлена материалом исследования — корпусом «Рассказы и разговоры о грушах». В записях корпуса участники диалога имеют закрепленные роли, во многом основанные на степени их знакомства с содержанием «Фильма о грушах». Это позволяет использовать понятие эпистемического статуса участников, т. е. степени осведомленности об обсуждаемых в разговоре событиях [Du Bois 2007; Heritage 2012], и оценить, как вариативность в значениях этого параметра влияет на характер действий участников в контексте наложения.

Структура дальнейшего текста такова. В разделе 2 кратко описывается исследовательский корпус. В разделе 3 на примерах иллюстрируются типичные контексты наложений, обнаруженные в корпусе. В разделе 4 представлены количественные результаты исследования; эти результаты далее обсуждаются в разделе 5. Раздел 6 представляет собой заключение.

2 Материал

Материалом для исследования послужил мультимедийный корпус «Рассказы и разговоры о грушах» (<https://multidiscourse.ru/>; [Кибрик, Федорова 2018]). Этот ресурс (далее — RUPEX, от *Russian Pear Chats and Stories*) уже неоднократно использовался для анализа устной монологической и диалогической речи, а также невербальных аспектов естественной коммуникации; поэтому я позволю себе не приводить тут подробного его описания. Для настоящей работы существенно, что корпус содержит аннотированные аудио- и видеозаписи взаимодействия между тремя основными участниками (разными для каждой записи). Все записи организованы по единой схеме, в рамках которой за каждым участником закреплена определенная роль, не меняющаяся по ходу записи. До начала записи двум участникам — Рассказчику и Комментатору — предъявлялся «Фильм о грушах» [Chafe (ed.) 1980], после чего следовало три основных этапа. На первом этапе (обозначаемом как рассказ) Рассказчик в монологическом режиме передавал содержание фильма Пересказчику — третьему участнику, не видевшему фильма. На втором этапе (разговор) все трое участников обсуждали содержание фильма в диалогическом режиме. На третьем этапе (пересказ) от Пересказчика требовалось рассказать о событиях фильма, обращаясь к четвертому участнику, до этого не присутствовавшему в комнате, — Слушателю.

¹ Среди немногочисленных работ, посвященных наложениям в русском языке, можно отметить статью [Чекмез 2019], в которой, однако решаются несколько иные задачи.

Очевидно, для изучения диалогического поведения актуален этап разговора. Тут следует дополнительно отметить, что в соответствии с дизайном записей между участниками изначально устанавливалась иерархия эпистемических статусов при разговоре о сюжете и содержании фильма. Более того, поскольку основной целью, которая сообщалась участникам, было максимально точное сохранение всех деталей фильма в финальном пересказе, на этапе разговора основные коммуникативные усилия участников концентрировались именно на обсуждении этих деталей. Соответственно, абсолютное большинство дискурсивно связанных последовательностей реплик реализуются в контексте осознаваемых всеми тремя участниками соотношений их эпистемических статусов: Рассказчик и Комментатор обладают равноправным статусом, и этот статус выше, чем у Пересказчика.

Непосредственно для настоящего исследования были использованы этапы разговоров трех записей т. н. «эталонного» подкорпуса, общей продолжительностью около 30 минут. Выбранный подкорпус обладает следующими особенностями. Во-первых, в нем имеются точные сведения о временных границах всех слов и других вокальных единиц, реализуемых каждым участником². Во-вторых, для него выполнена сплошная дискурсивно-просодическая разметка вокального поведения участников в духе [Kibrik et al. 2020]. Также для записей подкорпуса доступны аннотации мануальной жестикуляции [Litvinenko et al. 2018] и глазодвигательной активности [Fedorova 2021]. Ниже, приводя примеры из корпуса, я не использую эти виды разметки непосредственно, но в ряде случаев опираюсь на описание невокального поведения участников, если это помогает точнее установить особенности коммуникативной ситуации.

3 Дискурсивные контексты наложений

Всего в исследованном материале было обнаружено 406 эпизодов наложений; средняя продолжительность эпизода составила 527 мс, медианное значение — 370 мс, стандартное отклонение — 470 мс. Из дальнейшего анализа были исключены 42 эпизода, длительность которых не превышает 100 мс, что примерно соответствует нижним 10 перцентилям общего распределения. Из оставшихся 364 эпизодов абсолютное большинство было отнесено к одному из четырех дискурсивных типов. Ниже приводится описание этих типов и примеры из корпуса.

3.1 Побочная реплика

При наложении этого типа второй участник (формальный инициатор наложения), произнося свою реплику, не претендует на получение полноценной очереди хода. Дальнейшее развитие диалога обусловлено (в первую очередь) не этой репликой, а действиями других участников. Наиболее часто встречающимся дискурсивным контекстом тут выступает ситуация, при которой один из участников подает сигналы обратной связи, накладывающиеся на реплики собеседников; см. ниже пример (1).

3.2 Передача хода

В этом типе объединены контексты, в которых действия первого говорящего могут интерпретироваться как передача хода другому участнику. В наиболее очевидном случае речь идет о прямом назначении следующего говорящего (правило 1 в терминах [Sacks et al. 1974]), в менее очевидных — о надежно считываемой другими участниками готовности завершить свой ход и не препятствовать следующему говорящему. При отсутствии наложения эта ситуация реализуется как стандартная последовательность реплик, произносимых разными участниками. В свою очередь, наложения возможны в тех случаях, когда участники по-разному определяют место точки перехода.

Так, при т. н. конечном наложении (*terminal overlap*) первый участник близок к завершению своей реплики, когда второй участник, оценив уже произнесенную часть реплики собеседника как в целом достаточную для интерпретации его коммуникативных намерений (и, соответственно, определив текущий момент в развитии диалога как потенциальную точку перехода), начинает свою реплику [Jefferson 1984]. В свою очередь, первый участник, обнаружив, что на его

² Границы устанавливались в два этапа. На первом этапе выполнялась автоматическое определение границ слов при помощи алгоритма, разработанного компанией STEL (<http://stel.ru/>). На втором этапе границы уточнялись вручную в программе PRAAT [Boersma, Weenink 2023].

реплику уже начала следовать реакция, либо завершает ее в штатном режиме (но не начинает следующую), либо обрывает ее. В целом эта ситуация характеризуется высокой степенью кооперативности; см. пример (1).

(1) Pears22: «что-то такое светлое».³

TimeS	TimeE	Narrator		Reteller	
520.70				R-vE021	'А /мужик-то —как выглядит всё-таки ^h ?
522.08		N-vE249	У /него что-то такое /светлое,		
	522.48				
522.92	523.24			R-vN006	(ц 0.32)
523.24				R-vE022	—Ага-а.
	523.61				
523.61		N-vE250	сверху светлый /фартук,		
	523.66				
	525.03				
525.03	526.20	N-vE251	(\Такой с \карманом.)		
526.20	526.54	N-vN054	(ц 0.34)		
526.54	528.28	N-vE252	здесь красная /бандана такая,		

В строке R-vE021 Пересказчица (**R**) задает вопрос, возвращая течение беседы к теме, которая уже поднималась за некоторое время до этого. Рассказчица (**N**) определяет смысл реплики **R** еще до ее завершения и, немного не дождавшись точки перехода, начинает развернутый ответ, который продлится примерно 15 секунд. Ее готовность немедленно приступить к ответу проявляется и на уровне мануальной жестикуляции — см. рис. 1, на котором видно, что **N** начинает жестикулировать еще во время завершения реплики **R** (до этого ее руки находились в положении покоя на коленях). В свою очередь **R**, изначально определившая именно **N** как участника, ответственного за продолжение разговора (см. направление ее взгляда на рис. 1⁴), не предпринимает никаких попыток помешать поступающему ответу — пусть даже он накладывается на завершение ее собственной реплики. Отмечу также, что спустя недолгое время **R** подает сигнал обратной связи (строка R-vE022; *aga*), речь о которых шла в разделе 3.1 выше.

³ При цитировании примеров из корпуса RUPEX используется т. н. партитурная нотация, в которой вокальные действия каждого участника фиксируются в отдельных столбцах таблицы. Непрерывные области вокализации одного участника оформлены сплошной цветовой заливкой ячеек. Конкретные отрывки, одновременно произносимые разными участниками, дополнительно выделены при помощи заливки отдельных слов. В остальном разметка следует принципам, изложенным в [Kibrik et al. 2020]. Каждая строка соответствует одной элементарной дискурсивной единице (ЭДЕ) — минимальному шагу в реализации устной речи, обладающему единым интонационным контуром. При помощи слэшей и стрелок обозначаются движения частоты основного тона в акцентированных словоформах; при помощи пунктуационных знаков в конце строк — иллокутивно-фазовая семантика ЭДЕ; обрывы слов обозначаются одиночным равенством; знаки ||, == и ≈ используются при дискурсивных обрывах различной природы; в скобках указывается длительность абсолютных и заполненных пауз; в двух левых столбцах отмечается время начала и конца произнесения ЭДЕ.

⁴ Литера **N** на рисунках обозначает Рассказчиков, **C** — Комментаторов, **R** — Пересказчиков. Как уже отмечалось в разделе 2, для записей корпуса доступна разметка невокального поведения участников; так, для Рассказчиков и Пересказчиков есть данные о направлении движения взгляда, полученные с айтрекеров [Fedotova 2021]. Для простоты презентации я обозначаю направления движения взгляда стрелками на рисунках.

Рисунок 1. Взаимодействие участников разговора записи 22 в момент завершения произнесения Пересказчицей ЭДЕ R-vE021 примера (1) (*А мужик-то как выглядел всё-таки?*)

В других конфигурациях, относящихся к этому же типу, первый участник не прекращает говорить после той реплики, реакцию на которую выполняет второй говорящий, а продолжает, реализуя расширение исходной реплики. Так, во фрагменте (2) представлен случай наложения, обусловленного поздней реакцией второго участника.

(2) Pears23: «первый раз спустился»

Pauses	TimeS	TimeE	Narrator		Reteller	
	521.79	521.85			R-vE077	–He,
	521.85	523.35			R-vE078	а вот /первый раз когда он \спускался.
(0.44)	523.35	523.79				
	523.79				R-vE079	Вот когда он первый раз /спустился,
	523.86	524.50	N-vE268	Первый /раз он' ==		
	524.68		N-vE269	'Он ну /он чуть-чуть /положил,		
		524.87				
	524.87	525.04			R-vE080	он ≈≈
		525.84				
	525.84	527.03	N-vE270	и /наполнил так \вторую.		

В строках R-vE077-078 Пересказчик (R) уточняет ранее заданный вопрос о порядке сбора груш одним из персонажей фильма. Сделав это уточнение, он в течение 440 мс ожидает ответной реакции со стороны Рассказчицы (N), которая до этого уже предлагала свое описание интересующего R процесса. Не получив реакции, R решает еще раз уточнить свой вопрос, переформулировав предыдущую реплику. Практически в это же время (но чуть позже) N все же начинает отвечать (ЭДЕ N-vE268 и далее). Вследствие этой, несколько запоздалой, реакции возникает наложение, для урегулирования которого R обрывает произнесение ЭДЕ R-vE080 и передает ход N — что и было его изначальным планом.

3.3 Перехват хода

В этом типе собраны контексты, в которых действия второго участника могут быть интерпретированы как попытка перехвата очереди говорить вне стандартных правил чередования. Один из примеров такого рода представлен во фрагменте (3).

(3) Pears23: «шортики»

Pauses	TimeS	TimeE	Narrator		Commentator	
	467.58	469.57	N-vE223	У /—него-о были красные-е /штаны,		
	469.57		N-vE224	(∧→длинные,) ≈≈		
	469.77				C-vE154	\Шортики у него были!
		470.29				
		471.07				
	471.07	472.26			C-vE155	У него же ещё ∧гольфы (0.08) →↑были.
(0.42)	472.26	472.68				
	472.68	773.03	N-vE225	∧Нет!		
	773.03	773.77	N-vE226	У него были /штаны, ==		

Фрагмент открывается серией реплик Рассказчицы (N), осуществляющей описание одежды одного из персонажей фильма. В строке N-vE224 содержится дискурсивный обрыв: хотя N целиком произнесла свою ЭДЕ, эта ЭДЕ не планировалась ей как последняя в цепочке. По своим просодическим и (потенциальным) дискурсивным характеристиками эта единица достаточно надежно определяется как парентеза (вставка), т. е. временное отступление от основной линии изложения (см. [Кибрик, Подлеская 2010; Коротаев 2021]). То, что за этим временным отступлением не последовало продолжения, связано с действием Комментатора (C), которая вступила со своей репликой заведомо до планировавшегося завершения реплики Рассказчицы. Не желая дожидаться точки потенциального перехода, C перебивает N, чтобы предложить альтернативное описание, и осуществляет таким образом перехват хода вне стандартных правил чередования. Реакция N на это действие собеседницы оказывается комплексной. С одной стороны, она прерывает говорение. С другой стороны, меняется и ее невокальное поведение. До того как C ее перебила, N смотрела на Пересказчика (R) и сопровождала свое описание изобразительным мануальным жестом на уровне щиколотки (см. рис. 2а); после начала ЭДЕ C-vE154 она резко поворачивается к C и ее руки застывают на месте (рис. 2б); затем она постепенно возвращает руки в исходное положение на коленях (рис. 2в).

Рисунок 2а. Взаимодействие участников разговора записи 23 в момент завершения произнесения Рассказчицей ЭДЕ N-vE223 примера (3) (*У него были красные штаны*)

Рисунок 2б. Взаимодействие участников разговора записи 23 в момент начала произнесения Комментатором ЭДЕ C-vE154 примера (3) (*Шортики у него были!*)

Рисунок 2в. Взаимодействие участников разговора записи 23 в момент завершения произнесения Комментатором ЭДЕ C-vE155 примера (3) (*У него же ещё гольфы были*)

3.4 Конкурентное развитие

В контекстах этого типа участники, задействованные в наложении, стремятся развить параллельные и/или альтернативные линии диалога. Сразу два примера подобного рода представлены во фрагменте (4).

(4) Pears04: «не достаёт до земли»

TimeS	TimeE	Narrator		Commentator		Reteller			
607.69						R-vE098	он не /достаёт до-о (1.07) до земли?		
608.62		N-vE291	\шДа,	C-vE095	Ну он не \достаёт,				
608.82									
	608.89								
608.89	609.09							N-vE292	я ==
609.09	609.20							N-vE293	он ==
609.20	609.72							N-vE294	я \сказала,
609.72								N-vE295	что он даже не \сидит на се= на се= на /седле,
	609.77								
609.77									
	610.36								
	610.94								
	612.41								
612.41	612.86	N-vN052	(ц 0.45)						
612.86	614.87	N-vE296	он-н (э 0.42) (0.40) либо /стоит,						
614.87		N-vE297	либо прямо не знаю на эту /раму садится,,,	C-vE097	/Велосипед такой с вы= (0.14) с \высокой рамой.				
615.06									
	616.89								
616.89	617.12	N-vE298	\как-то.						
	617.67								

Фрагмент начинается со случая конечного наложения (см. выше, пример (1)): и Рассказчица (N), и чуть позже Комментатор (С) начинают отвечать на заданный Пересказчицей (R) вопрос прежде, чем она его завершит. При этом ответы выполняются ими в конкурентной манере: на протяжении нескольких дискурсивных шагов N и С реализуют свои варианты, обращаясь к R и не проявляя намерения урегулировать коллизию одновременного говорения. Как видно на рис. 3а, в это время они ищут зрительный контакт с R, но не друг с другом. Только спустя более чем две секунды С, закончив свою реплику, поворачивается к N (см. рис. 3б), но лишь затем, чтобы еще через три секунды инициировать новый случай конкурентного наложения — предложить параллельное описание устройства велосипеда. Как видно на рис. 3в, в этот момент он снова переводит взгляд в направлении R.

Рисунок 3а. Взаимодействие участников разговора записи 04 в момент параллельного произнесения Рассказчицей ЭДЕ N-vE295 (*что он даже не сидит на седле*) и Комментатором ЭДЕ С-vE096 (*поэтому он и свалился*) примера (4)

Рисунок 3б. Взаимодействие участников разговора записи 04 в момент единоличного произнесения Рассказчицей финальной части ЭДЕ N-vE295 (*что он даже не сидит на седле*) примера (4)

Рисунок 3в. Взаимодействие участников разговора записи 04 в момент параллельного произнесения Рассказчицей ЭДЕ N-vE297 (*либо прямо не знаю на эту раму садится*) и Комментатором ЭДЕ C-vE097 (*Велосипед такой с высокой рамой*) примера (4)

4 Количественные результаты

В табл. 1 представлены данные о количественном распределении обнаруженных в корпусе эпизодов наложения по рассмотренным выше типам дискурсивных контекстов, а также о средних и медианных значениях длительности наложения по отдельности для каждого типа.

Тип контекста	Число эпизодов	Длительность (ср. знач., медиана; в мс)
Побочная реплика	90 (24.7 %)	324; 285
Передача хода	150 (41.2 %)	536; 420
Перехват хода	33 (9.1 %)	863; 780
Конкурентное развитие	85 (23.4 %)	844; 710
<i>Другие</i>	<i>6 (1.7 %)</i>	<i>408; 350</i>
ВСЕГО	364	583; 430

Таблица 1. Число и длительность эпизодов наложений по типам дискурсивных контекстов

Аналогичные данные о длительности эпизодов наложения, распределенных по соотношению эпистемических статусов, представлены в табл. 2. Напомню, что равным эпистемическим статусом обладают Рассказчик и Комментатор, а статус Пересказчика ниже, чем у этих двух участников.

Соотношение эпистемических статусов	Число эпизодов	Длительность (ср. знач., медиана; в мс)
Равный	150 (41.2 %)	732; 570
Выше у первого участника	139 (38.2 %)	448; 330
Выше у второго участника	75 (20.6 %)	534; 430
ВСЕГО	364	583; 430

Таблица 2. Число и длительность эпизодов наложений по соотношению эпистемических статусов участников

Наблюдаемые различия в длительности («Побочная реплика» < «Передача хода» < «Перехват хода», «Конкурентное развитие» для первого параметра; эпистемический статус выше у первого участника < статус выше у второго участника < статусы участников равны для второго параметра) обладают статистической значимостью (непараметрический тест Краскела-Уоллиса, $p < 0.001$ для обоих параметров). Апостериорные сравнения при помощи теста Манна-Уитни выявили статистически значимые различия между всеми парами для обоих параметров, кроме пары «Перехват хода» и «Конкурентное развитие».

На рис. 4 приведены данные о распределении эпизодов наложений с различными соотношениями эпистемических статусов участников относительно четырех основных дискурсивных типов. Различия в распределении, которые будут обсуждены ниже в разделе 5, обладают статистической значимостью (критерий «хи-квадрат», $p < 0.001$; как для всех четырех типов, так и отдельно для трех типов, исключая тип «Побочная реплика»).

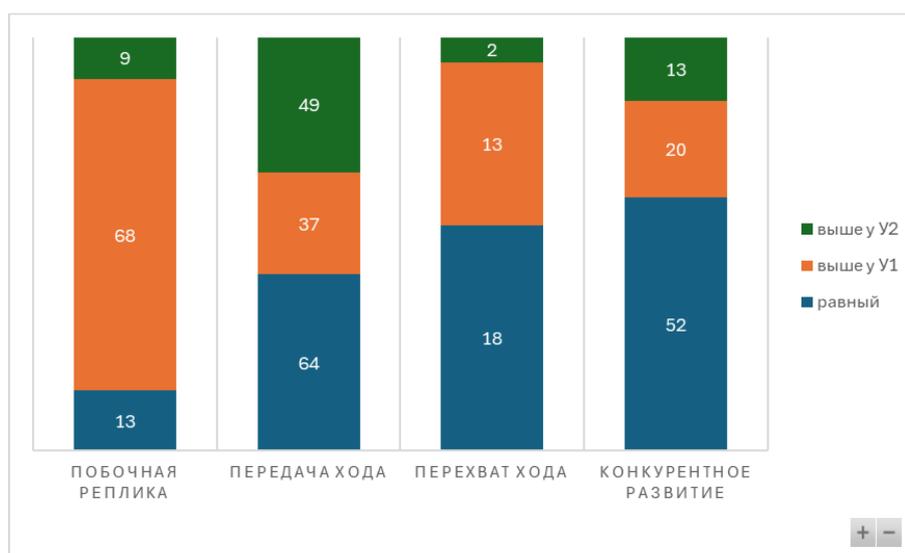

Рисунок 4. Дискурсивные контексты наложения и эпистемические статусы участников

Наконец, в табл. 3 представлены данные о распределении эпизодов наложения с обрывом в речи хотя бы одного из участников vs. без обрыва по типам дискурсивных контекстов. Обнаруживаемые различия (наивысшая доля эпизодов с обрывами — в типе «Перехват хода»; в типе «Побочная реплика» обрывов нет вовсе; из остальных типов наименьшая частотность обрывов — в типе «Передача хода») также обладают статистической значимостью (критерий «хи-квадрат», $p < 0.0001$; подсчет проводился без учета типа «Побочная реплика»).

Тип контекста	Эпизодов с обрывами	Эпизодов без обрывов
Побочная реплика	0	90 (100 %)
Передача хода	16 (10.7 %)	134 (89.3 %)
Перехват хода	14 (42.4 %)	19 (57.6 %)
Конкурентное развитие	26 (30.6 %)	59 (69.4 %)
ВСЕГО	56 (15.6 %)	302 (84.4 %)

Таблица 3. Наличие vs. отсутствие обрывов при урегулировании наложений в основных типах дискурсивных контекстов

5 Обсуждение

Полученные результаты, на мой взгляд, любопытны, по крайней мере, с двух точек зрения. Во-первых, они могут быть проинтерпретированы в контексте противопоставления соревновательных и несоревновательных наложений [Jefferson 1984; Li 2001; Truong 2013; Konakahara 2015]. К

несоревновательным (кооперативным) наложениям из дискурсивных типов, представленных в разделе 3, ближе типы «Побочная реплика» и «Передача хода», к соревновательным (конкурентным) — типы «Перехват хода» и «Конкурентное развитие». В связи с этим из приведенных выше результатов можно сделать вывод о том, что с повышением уровня конкурентности возрастает как длительность эпизода наложения (см. табл. 1), так и вероятность обрыва при его урегулировании (табл. 3). Иными словами, более конкурентные наложения в целом оказываются и более трудными для урегулирования; ср. наблюдение Э. Щеглоффа о том, что только наложения, имеющие в себе соревновательный компонент, представляют для участников диалога проблему, требующую специальных механизмов для разрешения [Schegloff 2000: 4-7].

Во-вторых, удается проследить, какое влияние на поведение участников при наложении оказывает соотношение их эпистемических статусов, роль которых в диалоге неоднократно освещалась в литературе [Heritage 2012; Mondada 2013; Morek 2015]. Согласно полученным результатам, тут обнаруживается генеральная тенденция: доля эпизодов, в которой участники обладают равным эпистемическим статусом, последовательно возрастает при повышении степени конкурентности наложения (см. нижние сегменты столбиков диаграммы на рис. 4). Это наблюдение понятным образом согласуется с тем фактом, что именно наложения, в которых задействованы Рассказчик и Комментатор, оказываются и наиболее длительными (табл. 2). В целом, более конкурентный характер наложений при равном эпистемическом статусе можно назвать ожидаемым: см., в частности, замечание [Stivers et al. 2011] о том, что отсутствие очевидной иерархии эпистемических статусов может приводить к конкуренции за право считаться более «надежным» говорящим.

В свою очередь, для эпизодов наложения с неравными эпистемическими статусами участников характерны следующие предпочтения:

- Участник с более высоким эпистемическим статусом значимо чаще выступает инициатором наложения в типе «Передача хода» и практически никогда напрямую не перехватывает ход.
- Автором «Побочной реплики» в подавляющем большинстве случаев выступает участник с более низким эпистемическим статусом (Пересказчик). Он же достаточно часто осуществляет прямой перехват хода.

Напрашивающаяся интерпретация тут состоит в том, что, хотя Пересказчики и обладают в записях корпуса более низким эпистемическим статусом, они могут пользоваться преимущественным правом определения направления разговора — поскольку именно необходимость получения Пересказчиком полной информации о содержании фильма является основной движущей силой диалогических этапов записей. Как именно устроено взаимодействие этих двух параметров (эпистемического статуса и полномочий в определении направления беседы), еще только предстоит выяснить.

6 Заключение

В докладе представлен анализ эпизодов наложения в диалогических этапах записей корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» (RUPEX). Рассмотрено четыре параметра: тип дискурсивного контекста, продолжительность наложения, наличие обрыва при урегулировании наложения и соотношение эпистемических статусов участников. Показано, что при снижении общей кооперативности в поведении участников повышается продолжительность эпизодов наложения и вероятность возникновения дискурсивных обрывов. Также продемонстрирована связь между степенью кооперативности при возникновении и урегулировании наложения и соотношением эпистемических статусов.

У проведенного исследования есть ряд ограничений. Укажу на два из них. Во-первых, на результаты анализа могут влиять особенности материала. Поведение участников записей корпуса частично программируется внешними факторами: на них закреплена записывающая аппаратура, которая ограничивает их перемещения (им нужно сидеть); им объясняют порядок следования этапов и просят строго его придерживаться [Kibrik, Fedorova 2018]. Хотя в целом участники ведут себя при этом достаточно естественно, все же такие условия отличаются от условий спонтанного разговора. Кроме того, значимым представляется и количество участников: можно ожидать, что

и при уменьшении (с трех до двух), и при увеличении числа говорящих может измениться как общая частотность эпизодов наложений, так и характер их распределения по типам дискурсивных контекстов.

Во-вторых, хотя при разборе примеров я в ряде случаев анализирую невокальные действия участников, задачи исчерпывающего описания мультимедийного поведения коммуникантов в ситуации наложения не ставилось. Вместе с тем в литературе уже накоплен немалый массив сведений о том, какую роль в ситуации наложения играют невокальные ресурсы: мануальные и мимические жесты, управление зрительным контактом и проч. [Oloff 2013; Zima et al. 2019; Malabarba et al. 2022]. Данные корпуса RUPEX позволяют осуществить подобный анализ, что может стать одним из продолжений настоящего исследования.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Минобрнауки «Социопрагматические факторы адаптации вербального и кинетического поведения: русский звучащий и русский жестовый язык».

Литература

- [1] Boersma Paul, Weenink David. Praat: Doing phonetics by computer [Computer software]. Version 6.3.13 retrieved 31 July 2023 from <http://www.praat.org/>.
- [2] Brown Penelope, Levinson Stephen C. Politeness: Some universals in language usage. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813085>
- [3] Chafe Wallace (ed.). The Pear Stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. — Norwood, NJ: Ablex, 1980. <https://doi.org/10.1017/S0047404500008897>
- [4] Chekmez Ulyana. The functioning of overlays in the spoken dialogic discourse [Specifika funkcionirovanija naloženij v ustnom dialogičeskom diskurse] // Modern Studies of Social Issues [Sovremennye issledovanija social'nyx problem]. — 2019. — Vol. 11, no. 4-2. — P. 130–139.
- [5] Clark Herbert H. Using language. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620539>
- [6] Du Bois John W. The Stance Triangle // Robert Englebretson (ed.) Stancetaking in discourse: Subjectivity, evaluation, interaction. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. — P. 139–182. <https://doi.org/10.1075/pbns.164.07du>
- [7] Fedorova Olga V. Oculomotor everyday communication: How to pick a good metric // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2021). Issue 20. — Moscow: RGGU, 2021. — P. 213–226. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2021-20-213-226>
- [8] Hayashi Makoto. Turn allocation and turn sharing // Jack Sidnell, Tanya Stivers (eds.) The Handbook of Conversation Analysis. — Wiley-Blackwell, 2012. — P. 167–190. <https://doi.org/10.1002/9781118325001.ch9>
- [9] Heldner Mattias, Edlund Jens. Pauses, gaps and overlaps in conversation // Journal of Phonetics. — 2010. — Vol. 38(4). — P. 555–568. <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2010.08.002>
- [10] Heritage John. Epistemics in action: Action formation and territories of knowledge // Research on Language & Social Interaction. — 2012. — Vol. 45(1). — P. 1–29. <https://doi.org/10.1080/08351813.2012.646684>
- [11] Jefferson Gail. Notes on some orderlinesses of overlap onset // Valentina D'Urso, Paolo Leonardi (eds.) Discourse analysis and natural rhetoric. — Padua: Cleup Editors, 1984. — P. 11–38.
- [12] Jefferson Gail. A sketch of some orderly aspects of overlap in natural conversation // Gene H. Lerner (ed.) Conversation analysis: Studies from the first generation. — Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2004. — P. 43–59. <https://doi.org/10.1075/pbns.125.05jef>
- [13] Kibrik Andrej A., Fedorova Olga V. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories // Psychology. Journal of the Higher School of Economics [Psixologija. Žurnal Vysšej Školy ekonomiki]. — 2018. — Vol. 15 (2). — P. 191–200. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-2-191-200>
- [14] Kibrik Andrej A., Korotaev Nikolay A., Podlesskaya Vera I. Russian spoken discourse: Local structure and prosody // Shlomo Izre'el, Heliana Mello, Alessandro Panunzi, and Tommaso Raso (eds.) In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Driven Approach. — Amsterdam: John Benjamins, 2020. — P. 35–72. <https://doi.org/10.1075/scl.94.01kib>
- [15] Kibrik Andrej A., Podlesskaya Vera I. Parenthetical constructions in spoken discourse [Vstavočnye konstrukcii v ustnom diskurse] // V. Z. Demyankov, V. Ja. Porxomovskij (eds.) In language and culture: Sound, sign, meaning. For the 70th birthday of Viktor A. Vinogradov [V prostranstve jazyka i kul'tury: Zvuk, znak, smysl. Sbornik statej v čest' 70-letija V. A. Vinogradova]. — Moscow, LSC, 2010. — P. 87–99.
- [16] Konakahara Mayu. An analysis overlapping questions in casual ELF conversation: cooperative or competitive contribution // Journal of Pragmatics. — 2015. — Vol. 84. — P. 37–53. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2015.04.014>

- [17] Korotaev Nikolay. Parenthetical constructions in Russian spoken discourse: Basic types and prosodic features [Konstrukcii s diskursivnymi vstavkami v ustnoj russkoj reči: bazovye tipy i prosodičeskie svojstva] // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2021). Issue 20. — Moscow: RGGU, 2021. — P. 413–424. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2021-20-413-424>
- [18] Li Han Z. Cooperative and intrusive interruptions in inter- and intracultural dyadic discourse // Journal of Language and Social Psychology. — 2001. — Vol. 20(3). — P. 259–284. <https://doi.org/10.1177/0261927X01020003001>
- [19] Litvinenko Alla O., Kibrik Andrej A., Nikolaeva Yulia V., Fedorova Olga V. Annotating hand movements in multichannel discourse: Gestures, adaptors and manual postures // The Russian Journal of Cognitive Science [Rossijskij žurnal kognitivnoj nauki]. — 2018. — Vol. 5 (2). — P. 4–17.
- [20] Malabara Taiane, Mendes Anna C. Oliveira, de Souza Joseane. Multimodal resolution of overlapping talk in video-mediated L2 instruction // Languages. — 2022. — Vol. 7(2). — P. 154. <https://doi.org/10.3390/languages7020154>
- [21] Mondada Lorenza. Displaying, contesting and negotiating epistemic authority in social interaction: Descriptions and questions in guided visits // Discourse Studies. — 2013. — Vol. 15(5). — P. 597–626. <https://doi.org/10.1177/1461445613501577>
- [22] Morek Miriam. Show that you know – Explanations, interactional identities and epistemic stance-taking in family talk and peer talk // Linguistics and Education. — 2015. — Vol. 31. — P. 238–259. <https://doi.org/10.1016/j.linged.2014.10.004>
- [23] Oloff Florence. Embodied withdrawal after overlap resolution // Journal of Pragmatics. — 2013. — Vol. 46(1). — P. 139–156. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2012.07.005>
- [24] Ono Tsuyoshi, Thompson Sandra A. Interaction and syntax in the structure of conversational discourse: collaboration, overlap, and syntactic dissociation // E. Hovy, D. Scott (eds) Computational and Conversational Discourse. — Berlin: Springer, 1996. — P. 67–96. https://doi.org/10.1007/978-3-662-03293-0_3
- [25] Pomerantz Anita, Heritage John. Preference // Jack Sidnell, Tanya Stivers (eds.) The Handbook of Conversation Analysis. — Wiley-Blackwell, 2012. — P. 210–228. <https://doi.org/10.1002/9781118325001.ch11>
- [26] Sacks Harvey, Schegloff Emanuel A., Jefferson Gail. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language. — 1974. — Vol. 50 (4). — P. 696–735. <https://doi.org/10.2307/412243>
- [27] Santner-Wolfartsberger Anita. Parties, persons, and one-at-a-time: conversation analysis and ELF // Journal of English as a Lingua Franca. — Vol. 4(2). — P. 253–282. <https://doi.org/10.1515/jelf-2015-0020>
- [28] Schegloff Emanuel A. Parties and talking together: Two ways in which numbers are significant for talk-in-interaction // Paul ten Have, George Psathas (eds.) Situated order: Studies in social organization and embodied activities. — Boston: University Press of America, 1995. — P. 31–42.
- [29] Schegloff Emanuel A. Overlapping talk and the organization of turn-taking for conversation // Language in Society. — 2000. — Vol. 29. — P. 1–63. <https://doi.org/10.1017/S0047404500001019>
- [30] Stivers Tanya, Mondada Lorenza, Steensig Jakob. Knowledge, morality and affiliation in social interaction // Tanya Stivers, Lorenza Mondada, Jakob Steensig (eds) The morality of knowledge in conversation. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — P. 3–24. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511921674.002>
- [31] Stolt Minna. The many faces of overlap. Non-competitive overlap in a conversation between Finnish and British speakers of English. A Pro Gradu Thesis in English. — University of Jyväskylä, 2008.
- [32] Truong Khiet. Classification of cooperative and competitive overlaps in speech using cues from the context, overlapper, and overlappee // Proceedings of the Annual Conference of the International Speech Communication Association, INTERSPEECH. — 2013. — P. 1404–1408. <https://doi.org/10.21437/Interspeech.2013-368>
- [33] Yamashita Natsuo, Horiguchi Shota, Homma Takeshi. Improving the naturalness of simulated conversations for end-to-end neural diarization // The Speaker and Language Recognition Workshop (Odyssey 2022). — 2022. — <http://dx.doi.org/10.21437/Odyssey.2022-19>
- [34] Zhang Leying, Qian Yao, Zhou Long, Liu Shujie, Wang Dongmei, Wang Xiaofei, Yousefi Midia, Qian Yanmin, Li Jinyu, He Lei, Zhao Sheng, Zeng Michael. CoVoMix: Advancing zero-shot speech generation for human-like multi-talker conversations // 38th Conference on Neural Information Processing Systems (NeurIPS 2024). — 2024. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2404.06690>
- [35] Zima Elisabeth, Weiß Clarissa, Brône Geert. Gaze and overlap resolution in triadic interactions // Journal of Pragmatics. — 2019. — Vol. 140. — P. 49–69. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.11.019>